

«Жизнь в языке»: языковая личность Е.И. Замятина в записных книжках

Ефимова Светлана Николаевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Записные книжки – это синтетический речевой жанр, относящийся к эго-тексту [Михеев: 75]. Они фиксируют «жизнь в языке», т. е., согласно Б.М. Гаспарову, существование «в среде, в которой на протяжении всего нашего жизненного пути развертывается наша мыслительная и коммуникативная деятельность» [Гаспаров: 6]. В этом существовании реализуется языковая личность писателя, которую можно уподобить «многоликой структуре образа автора», о которой писал В.В. Виноградов [Виноградов: 203].

Анализ записных книжек Е.И. Замятина показал, что в структуре его языковой личности выделяются следующие «лики»: писатель, лингвист-любитель, человек эпохи 1910–1920 гг., собиратель фольклора, читатель, публицист, эмигрант, человек повседневного дискурса.

Как писатель Замятин фиксирует свои замыслы. Среди замыслов рассказов есть «однойдерные» (в записи одно-два предложения; в качестве «ядра» могут выступить образ героя, событие, диалог) и «многоядерные» (образы героев, несколько сюжетных линий). Замысел отличается от черновика своей конспективностью, проявляющейся синтаксически (простые, минимально распространенные предложения и т.д.). Записаны также готовые фразы, содержащие отдельные частноперецептивные образы, среди которых доминируют цветовые и слуховые. Последние связаны с идиллическим хронотопом деревни и имеют автобиографическую составляющую.

Как лингвист (форма языкового сознания) Замятин стремится сохранить на бумаге услышанную устную речь, отражающую особенности языка эпохи, составляет словарики диалектизмов, собранных во время путешествий по России. Он собирает и фольклор: частушки, приметы, заговоры и др. Как читатель Замятин прибегает к нескольким способам актуализации прецедентных текстов: цитата (точная и приближительная), отсылка через имя автора.

В записных книжках много курьезных историй, стилистически близких к современному анекдоту (тип текста, которым оперирует языковая личность). Функционально они принадлежат к жанру литературного анекдота, играющего, согласно научной литературе, роль характеристики эпохи. Е.Я. Кургановым отмечено обилие литературных анекдотов в записных книжках П.А. Вяземского и Н.В. Кукольника. Опираясь на этот признак, можно объединить названные записные книжки как XIX, так и XX в. в одну жанровую разновидность.

Из повседневного дискурса отражены сведения о знакомых, сфера подсознательного (два сна), эмоции и т. д. В записях, относящихся к шести годам эмиграции, часто появляются: прилагательное «русский» (оппозиция «свое – чужое»); сравнения; слова, вводящие тему 'удивительное'.

В записных книжках есть восемь заметок с размышлениями писателя; некоторые впоследствии были переработаны и вошли в статьи Замятина. Здесь выдержан информативный регистр речи; вкрапления генеритивного регистра маркируют основные мысли.

В записях проявляются черты внутренней речи, выделенные Л.С. Выготским [Выготский: 313, 315, 327, 333].

1. «Кажущаяся отрывочность, фрагментарность, сокращенность»: первое предложение заметки «Литература» («...Вот отчего литература молчит: она не может говорить правду <...>» [Замятин: 46]) отделено многоточием, начинается, как противопоставление другой фразе или ответ на вопрос. Писатель обозначает имена или фамилии знакомых первой буквой: Г., Ш., Ф.

2. «Сохранение сказуемого и относящихся к нему частей предложения за счет опускания подлежащего и относящихся к нему слов»: обилие неполных предложений («Отравилась, отравила детей – обыск продолжается...» – самостоятельная запись [Замятин: 70]) и неопределенно-личных субъектных модификаций.

3. Преобладание смысла слова над его значением: «Футуристы... провалились» [Замятин: 47], смысл глагола «провалились» включает в себя всю историю футуризма, напоминает о письме ЦК РКП(б) 1920 г. «О пролеткультах», неявно содержит вывод о закономерностях истории и литературной жизни.

4. «Идиоматический характер всей семантики внутренней речи»: «Ван Гог, <нрзб> футуризм» [Замятин: 50]; в значение имени «Ван Гог» включено личное мнение Замятина о его творчестве и месте в истории искусства.

Таким образом, заметка в записной книжке (образец автокоммуникации) – еще одна промежуточная ступень (наряду с разговорной речью) между письменным текстом и внутренней речью. Ее отличает синхронность мысли и создания письменного текста, т.к. записная книжка всегда вместе с ее автором (это иллюстрируют записи, по которым воссоздаются даже маршруты отдельных прогулок).

Анализ позволяет выделить четыре основные функции записной книжки:

- 1) Память (записать, чтобы не забыть);
- 2) Структурирование памяти (цитаты, сгруппированные по темам «О женщинах», «О глупости» [Замятин: 149–150, 173–174]; графическое выделение темы записи);
- 3) Внутренний диалог («Она немного говорила (по-монгольски? бурятски?)» [Замятин: 82]);
- 4) Замещение необходимого в данный момент собеседника («Только дайте фотографии – можно сделать что угодно» [Замятин: 208] – по форме напоминает обращение).

В записных книжках Замятина отражены:

- а) Его собственное «слово»: элементы художественного стиля (готовые фразы); заметки, приближающиеся к внутренней речи; нейтральный стиль с общим принципом конспективности;
- б) Чужое «слово»: цитаты из устной речи, интересующей писателя как лингвиста, и текстов.

Лингво-когнитивный уровень (по Ю.Н. Караулову) языковой личности проявляется в актуализации оппозиции «свое-чужое» в эмиграции и связи слуховых образов с миром деревни.

Таким образом, речевой жанр записной книжки воплощает языковую личность как совокупность способностей к созданию и восприятию речевых произведений.

Литература

Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

Выготский Л.С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное. Собрание трудов. М., 2001.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Замятин Е.И. Записные книжки. М., 2001.

Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007.